Бонд Николай Григорьевич
аспирант
Научный руководитель
Ткаченко Ирина Валериевна
д-р психол. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»
г. Армавир, Краснодарский край

ОТ ИНФОРМАЦИИ К МУДРОСТИ: РОЛЬ РАЗУМА, ЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ОБРАЗА ЖИЗНИ

Аннотация: *рассматривается проблема расхождения между усвоением знаний о социально одобряемых нормах и их реализацией в повседневном поведении. Цель работы – теоретически описать психологические условия, при которых внешние сообщения и представления становятся личностно значимыми ценностями и основаниями саморегуляции в семейных отношениях. Использованы сравнительный анализ философских подходов к обоснованию суждений и теоретический синтез исследований ценностей, социального научения, родительской социализации и самодетерминации. Показано, что когнитивное понимание нормы, её внутреннее принятие и практическое воплощение относятся к различным сторонам личностного развития. На основе многоуровневого подхода к формированию ценностного отношения предложена процессуальная модель, объединяющая информационное воздействие, рефлексивную оценку, ценностную интеграцию, мотивационную регуляцию и поступок с учётом обратной связи. Обозначены границы применимости модели и гипотезы для её последующей эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *семейные ценности, рефлексия, социальное влияние, самодетерминация, мудрость.*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Введение.

Одна из трудностей исследования семейных ценностей обнаруживается уже при сопоставлении высказываний человека с его поведением. В опросе он может назвать честность безусловным нравственным требованием, а в ситуации, где честность угрожает собственным интересам, выбрать обман. Родители могут считать уважение к ребёнку важным принципом воспитания и одновременно строить общение преимущественно на унижении или принуждении. Подобные примеры не дают оснований судить о нравственном состоянии общества в целом, однако показывают методологическую проблему: декларируемая ценность ещё не является достаточным показателем действующего мотива.

В педагогической практике эта проблема особенно заметна. Взрослому сравнительно легко объяснить ребёнку, что следует помогать близким или отвечать за свои решения. Гораздо сложнее понять, почему один человек принимает подобные требования как собственные, а другой соблюдает их лишь при наличии контроля. Здесь возникает вопрос, существенный и для психологии личности, и для психологии семьи: при каких условиях сообщённое извне знание приобретает личностный смысл, влияет на выбор и становится устойчивой формой жизни?

Цель настоящей статьи состоит в теоретическом уточнении условий перехода от усвоенных знаний и социальных норм к внутренне принятым ценностям и ценностно согласованному поведению в семейных отношениях. Работа основана на сравнительно-теоретическом анализе философских концепций суждения, психологии ценностей, теории социального научения, исследований родительской социализации и теории самодетерминации. Эмпирические результаты, полученные непосредственно автором статьи, в данной публикации не представляются. Итогом анализа выступает исследовательская модель, предназначенная для последующей проверки.

Проблема знания и суждения: границы философского сопоставления.

Слово «знание» употребляется в разных значениях. Им обозначают и запомненные сведения, и освоенное объяснение, и практически проверенное уме-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ние. Между тем человек, способный повторить правило, не обязательно способен обосновать его, распознать обстоятельства применения или действовать согласно ему. Поэтому для анализа ценностного поведения целесообразно различать информированность, понимание, обоснованность суждения и практическое следование принятому принципу. Речь идёт об аналитическом различении, а не о последовательных ступенях, обязательных для каждого человека.

Исторически вопрос о надёжности оснований познания особенно ясно поставил Р. Декарт. Во второй части «Рассуждения о методе» он сформулировал правила, предполагающие отказ от поспешных суждений, расчленение сложной задачи, движение от простого к сложному и тщательную проверку рассуждения [1]. Декарт стремился найти основания, не допускающие сомнений. Однако было бы неточно выводить отсюда, что современное эмпирическое исследование может или должно обладать абсолютной безошибочностью. Научный вывод имеет определённые условия применимости, зависит от качества методов и остаётся открытым для уточнения.

И. Кант предложил иное решение вопроса об основаниях знания. В «Критике чистого разума» различаются данные опыта и условия, благодаря которым опыт становится возможным для познающего субъекта [2]. Отсюда не следует, что истинное знание поступает исключительно «изнутри» и что эмпирические данные второстепенны. Напротив, для психолога особенно продуктивна сама постановка проблемы: наблюдение никогда не существует вне процедур различения, понятий и правил интерпретации. Категории исследования помогают организовать материал, но их нельзя без дополнительного обоснования объявлять готовыми свойствами исследуемой реальности.

Для пояснения этой мысли подходит аналогия с координатной системой. Координатная сетка позволяет описать положение и движение, но линии сетки не существуют в изучаемом явлении как самостоятельные физические предметы. Сходным образом понятия «ценностная ясность», «автономная мотивация», «личностная зрелость» относятся к теоретическому языку психологии и требуют операционального определения. Аналогия, конечно, ограниченна: психоло-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

гические конструкты не произвольные метки, а результаты теоретической работы, которые должны соотноситься с наблюдениями и выдерживать эмпирическую проверку.

Особого пояснения требует понятие мудрости. В философском языке оно может обозначать стремление к правильному суждению и достойной жизни. В современной психологии это не общепринятое название абсолютной безошибочности. Так, в теории баланса Р. Стернберга мудрость связывается с применением знаний, опосредованным ценностями и направленным на общее благо с учётом различных интересов и условий [11]. Для задач данной статьи мудрость рассматривается не как измеренный результат воспитания, а как нормативно-теоретический ориентир: способность соотносить понимание ситуации, последствия решения и ответственность перед другими людьми.

Социальное влияние: усвоение знания или принятие готовой установки?

Человек узнаёт о социальных правилах не из одного источника. В семейном разговоре, школьном обучении, профессиональном общении и массовой коммуникации сообщаются факты, оценки, образцы поведения и объяснения того, что принято считать хорошим или плохим. Указанные влияния различаются по намерениям и способам действия. Они могут поддерживать самостоятельное суждение, а могут подменять его усвоением готовой оценки.

Исторический интерес в этом отношении представляет книга Э. Бернейса «Пропаганда» (1928), где описано организованное воздействие на массовые представления и общественное поведение [6]. Эта работа не должна служить доказательством универсальной управляемости человека посредством сообщений: она является источником для обсуждения механизмов намеренного влияния. Пропаганда в данном контексте понимается как целенаправленная организация коммуникации ради изменения или закрепления установок; такое влияние не обязательно основано на ложных фактах. Существенно другое: передача достоверного сообщения и создание условий для его самостоятельной критической оценки не тождественны друг другу.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

В исследованиях А. Бандуры показано значение наблюдения за образцами поведения в социальном научении [5]. Для семейной среды это принципиально. Ребёнок получает сведения не только из обращённых к нему наставлений. Он наблюдает, каким способом взрослые разрешают споры, признают ошибки, обсуждают чужие поступки и распоряжаются властью внутри семьи. Наблюдаемое поведение может подтверждать произносимые нормы, расходиться с ними либо предлагать ребёнку конкурирующие способы достижения цели.

Семья как среда передачи и переосмысления ценностей.

В работе И. В. Ткаченко, Е. В. Евдокимовой, К. Ю. Комаровой и Л. Г. Лисицкой, посвящённой ценностному отношению к материнству, предложена модель, объединяющая макроуровень, микроуровень и субъективный уровень его формирования [3]. На макроуровне рассматриваются общественные установки и культурные образцы; на микроуровне – отношения и традиции семьи, социальное окружение и референтные лица; на субъективном уровне – смыслы, ценности, мотивы, информированность, опыт и готовность к ответственности. Достоинство такого подхода состоит в отказе от объяснения личностного отношения лишь одним фактором, например объёмом сведений или семейной традицией.

В психологии ценностей важное уточнение предлагает Ш. Шварц: ценности выступают желательными целями, различаются по значимости и служат ориентирами выбора. Между отдельными приоритетами возможны и согласование, и конфликт [10]. Поэтому знание нравственного правила не следует отождествлять с его местом в индивидуальной системе ценностей. Для семейной жизни существенно не только то, какие принципы человек называет, но и то, как он расставляет приоритеты, когда одновременно выполнить все требования невозможно.

В эмпирической части указанного исследования изучались подростки 13–16 лет одной школы-интерната. Авторы обнаружили обратную связь между излишней эмоциональной дистанцией родителей с ребёнком и его самопринятием, а также с когнитивным показателем представлений о материнстве [3]. Эти

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

результаты важны для обсуждения семейной среды, но не дают основания распространять установленные связи на все типы семей или выводить из них универсальный причинный механизм. В настоящей работе положения Ткаченко и соавторов используются как основание для постановки следующего вопроса: каким образом факторы разных уровней преобразуются в собственную ценностную позицию человека?

Существенное уточнение предложили Дж. Грусек и Дж. Гуднау, исследовавшие интериоризацию ценностей в процессе родительской дисциплины [8]. Они разграничили понимание ребёнком родительского сообщения и его принятие. Даже ясно воспринятое требование может быть отвергнуто, если действия взрослого воспринимаются как несправедливые или непоследовательные. Напротив, содержательное объяснение, учёт обстоятельств и возможность собственного решения создают условия, в которых позиция родителя имеет больше шансов стать лично значимой.

Рассмотрим условную ситуацию. Мать просит подростка не скрывать неудовлетворительные оценки. В то же время подросток слышит, как сама мать советует родственнику скрыть важную информацию, чтобы избежать неприятного разговора. Нравственное правило известно обеим сторонам, но семейная практика предъявляет разные образцы его применения. Этот пример не иллюстрирует результаты отдельного исследования и не означает, что ребёнок непременно начнёт обманывать. Он позволяет конкретизировать предмет наблюдения: согласованность слова и действия взрослого, воспринимаемую справедливость требований, характер обсуждения ошибки и способность подростка критически оценить ситуацию.

Именно такая конкретизация представляется продуктивнее обобщённого тезиса о «падении нравственности». Психолог может исследовать наблюдаемые способы взаимодействия, особенности ценностных суждений и условия принятия норм, не прибегая к недоказуемым оценкам целого общества.

От внешнего требования к автономной мотивации.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Теория самодетерминации Р. Райана и Э. Деси позволяет описать различия между внешним соблюдением нормы и её внутренним принятием [9]. Авторы различают регулируемое извне поведение и более автономные формы регуляции. Человек способен выполнять обязанность ради награды или из страха наказания, а может осознавать её значение, согласовывать с другими жизненными приоритетами и принимать как собственное основание действия. При этом автономно регулируемое поведение не следует отождествлять с внутренней мотивацией в узком смысле: важное, но не всегда приятное действие может быть осознанно выбрано по его значимости.

Для семейной психологии этот тезис имеет непосредственное значение. Забота о близком может осуществляться под давлением родственников, из опасения осуждения или на основании самостоятельно принятой ответственности. Само действие ещё не раскрывает его мотивационную структуру. С другой стороны, отсутствие поступка не всегда означает отсутствие ценности: поведению могут препятствовать нехватка времени, материальные ограничения, конфликт обязательств и недостаток навыков.

В теории запланированного поведения И. Айзен показал значение намерения, субъективных норм и воспринимаемого контроля для объяснения поступка [4]. П. Голлвитцер дополнительно исследовал, каким образом конкретные планы реализации намерения помогают преодолеть разрыв между целью и действием [7]. Для нашей проблемы это означает, что одного осмысленного ценностного выбора недостаточно: важны доступные способы его реализации в привычных семейных обстоятельствах.

Теоретическая модель ценностно согласованного семейного поведения.

На основании рассмотренных источников можно предложить рабочую модель, в которой переход от социально сообщённого знания к семейной практике описывается через пять различимых, но взаимосвязанных компонентов. Первый компонент – информационное и социальное воздействие: человек сталкивается с правилами, объяснениями и образцами. Второй – рефлексивная оценка: он уточняет смысл требования, сопоставляет его с опытом и рассматривает осно-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вания собственного суждения. Третий – ценностная интеграция: определённое содержание занимает место в системе личных приоритетов. Четвёртый – мотивационная и поведенческая регуляция: человек выбирает способ действия и соотносит его с возможностями и препятствиями. Пятый – конкретный поступок и его повторение в семейной жизни.

Эту последовательность не следует понимать как однонаправленный закон. Семейное действие может предшествовать рефлексии: человек сначала совершает поступок по привычке, затем осмысляет его и меняет отношение к соответствующей норме. Информация может не быть принята или подвергнуться критике. Кроме того, любой компонент испытывает влияние отношений в семье, социальных ожиданий и доступных ресурсов. Поэтому в модель включается обратная связь: последствия поведения и реакция близких изменяют последующие суждения, эмоциональные оценки и мотивы.

Принципиально важно различать три критерия, которые часто смешиваются. Первый – осведомлённость о норме, то есть способность её воспроизвести и объяснить. Второй – субъективное принятие, проявляющееся в личной значимости требования и характере мотивации. Третий – поведенческая реализация в определённом контексте. Их совпадение не следует постулировать; напротив, степень согласованности между ними образует самостоятельный предмет исследования.

Модель также предусматривает возможное рассогласование между когнитивной компетентностью и нравственной направленностью. Способность строить логически связные рассуждения может служить не только обоснованию ответственного выбора, но и рационализации выгодного себе поступка. Поэтому критичность мышления не является достаточным условием нравственного поведения. Развитию навыков аргументации должен сопутствовать анализ ценностных приоритетов, ответственности и отношений с другими людьми. Именно в этом смысле обращение к мудрости как ценностно опосредованному применению знаний [11] имеет эвристическое значение.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Для дальнейшей проверки модели можно предложить несколько исследовательских предположений. Во-первых, связь между осведомлённостью о семейных нормах и последовательностью ценностно согласованного поведения может зависеть от степени автономной регуляции. Во-вторых, воспринимаемая согласованность родительских требований с действиями родителей может быть связана с принятием этих требований подростками. В-третьих, рефлексивная оценка и навыки поведенческой саморегуляции могут выполнять разные функции: первая связана с содержанием и обоснованием выбора, вторые – с реализацией намерения в конкретной ситуации. Данные предположения не являются установленными результатами и требуют подбора независимых измерительных процедур.

При организации такого исследования недостаточно общей анкеты «семейных ценностей». Желательно раздельно изучать ценностные приоритеты, автономность регуляции, характер родительского взаимодействия, рефлексивные процессы и наблюдаемые либо надёжно фиксируемые формы поведения. Сопоставление самоотчёта с данными других членов семьи и повторные измерения могли бы уменьшить зависимость результатов от социально желательных ответов. Для проверки причинных механизмов предпочтителен продольный дизайн; одноразовое корреляционное исследование позволяет говорить лишь о статистических связях.

Заключение.

Проведённый теоретический анализ показывает, что понятия информации, знания, ценности, мотивации и действия не взаимозаменяемы. Возможность человека объяснить нравственное требование не свидетельствует автоматически о его внутреннем принятии. Даже принятое требование не во всех обстоятельствах реализуется в поступке: поведение складывается при взаимодействии мотивов, навыков, социальных отношений и конкретных возможностей.

Семья занимает в этом процессе особое положение. Она одновременно передаёт нормы, демонстрирует практические образцы их применения и предоставляет опыт, в котором ребёнок или взрослый член семьи может осмыслить и

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

пересмотреть собственную позицию. Многоуровневая модель формирования ценностного отношения, представленная И. В. Ткаченко и соавторами [3], позволяет рассматривать семейное влияние в связи с культурным контекстом и активностью самого субъекта. Предлагаемая здесь процессуальная схема конкретизирует один из возможных механизмов такого влияния и нуждается в проверке.

Движение «от информации к мудрости» в этом контексте не означает накопление безошибочных суждений. Речь идёт о задаче развития способности обоснованно понимать ситуацию, самостоятельно принимать ответственность и соотносить личные решения с жизнью близких. Для психологии семьи эта задача приобретает научный смысл тогда, когда переводится в проверяемые вопросы о рефлексии, внутренней регуляции, взаимодействии и конкретных поступках.

Список литературы

1. Декарт, Р. Рассуждение о методе (1637) / Р. Декарт ; пер. на англ. Дж. Вича . – Project Gutenberg. – URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/59 (дата обращения: 30.10.2026). – Текст : электронный.

2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. П. Гайера, А. Вуда. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

3. Модель формирования ценностного отношения к материнству у учащейся молодежи / И. В. Ткаченко, Е. В. Евдокимова, К. Ю. Комарова, Л. Г. Лисицкая // Экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 43–57.

4. Ajzen, I. The theory of planned behavior / I. Ajzen // Organizational Behavior and Human Decision Processes. – 1991. – Vol. 50, No. 2. – P. 179–211.

5. Bandura, A. Social Learning Theory / A. Bandura. – Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1977. – 247 p.

6. Bernays, E. L. Propaganda / E. L. Bernays. – New York : Horace Liveright, 1928. – 159 p. – URL: https://www.loc.gov/item/28028779/ (date of access: 30.10.2026). – Текст : электронный.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

7. Gollwitzer, P. M. Implementation intentions: Strong effects of simple plans / P. M. Gollwitzer // American Psychologist. – 1999. – Vol. 54, No. 7. – P. 493–503.

8. Grusec, J. E. Impact of parental discipline methods on the child's internalization of values: A reconceptualization of current points of view / J. E. Grusec, J. J. Goodnow // Developmental Psychology. – 1994. – Vol. 30, No. 1. – P. 4–19.

9. Ryan, R. M. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being / R. M. Ryan, E. L. Deci // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78.

10. Schwartz, S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values / S. H. Schwartz // Online Readings in Psychology and Culture. – 2012. – Vol. 2, No. 1.

11. Sternberg, R. J. A balance theory of wisdom / R. J. Sternberg // Review of General Psychology. – 1998. – Vol. 2, No. 4. – P. 347–365.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)